

Хашкес Матвей Яковлевич

Иоганн-Швабский

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-3
ББК 84
М33

М33 **Матвей Яковлевич Х.**
Иоганн-Швабский / Хашкес Матвей Яковлевич – М.: Книга по Требованию,
2026. – 86 с.

ISBN 978-5-521-28952-3

ISBN 978-5-521-28952-3

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2026

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2026

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

ПЕРВОЕ ДѢЙСТВІЕ.

ЯВЛЕНІЕ ПЕРВОЕ.

Альбрехтъ (на авансценѣ.) **Агнеса**, занимается женскимъ рукодѣліемъ. **Арнольдъ фонъ Гесслеръ**, въ дверяхъ, съ пошпишею головой. **Вальтеръ фонъ Эшенбахъ** и **Рудольфъ фонъ-дёръ-Вартъ**.

АЛЬБРЕХТЪ.

Этого я уже никакъ не могъ ожидать отъ Швейцарцевъ! Телль — Вотъ малевкое слово, а какая сильная опасность заключается въ немъ для славы, величія и могущества моего дома! Да, это уже слишкомъ, — умертвить Гесслера! Но скоро убійца будетъ томиться въ самыхъ тяжкихъ оковахъ и его казнь послужитъ угрожающимъ предупрежденіемъ для всѣхъ; никто не посмѣетъ уже болѣе возстать, когда будетъ доказано могущество императора. Моему отцу, основателю имперіи, достаточно было сдѣлать только мановеніе и всѣ народы сейчасъ же готовы были повиноваться священнымъ словамъ, слетѣвшимъ съ его устъ. Но увъ! Времена перемѣнились, — Тюрингенцы гордо подняли голову и не хотятъ повиноваться своему императору, а Швейцарцы, которыхъ такъ мало, поступаютъ совершенно противно его намѣреніямъ.

(быстро шагая назадъ и впередъ).

Но еще не повержено въ прахъ могущество дома Габсбурговъ, пока я живъ, еще увидитъ всѣ, какъ умѣетъ повелѣвать императоръ Альбрехтъ, и вся Европа будетъ дрожать передъ нимъ!

АГНЕССА.

Намѣстники управляли не такъ, какъ Вамъ угодно было имъ приказать. Было слишкомъ мало употреблено суровыхъ, рѣшительныхъ мѣръ.

АЛЬБРЕХТЪ.

Нѣтъ! нѣтъ! наоборотъ, никакими убѣжденіями нельзя было ихъ вразумить. Я всегда имъ приказывалъ, что слѣдуетъ прибѣгнуть къ самымъ мягкимъ мѣрамъ; а они перешли всѣ границы — и вотъ что вышло изъ того, что они не хотѣли повиноваться.

АРНОЛЬДЪ фонъ ГЕССЛЕРЪ.

Государь! отецъ мой совершилъ преступленія, достойныя наказанія; я самъ говорю объ этомъ, потому что я самъ былъ свидѣтелемъ этого; но только все же міръ долженъ знать правду. Хотя отецъ мой былъ суровъ, а подчасъ и жестокъ, но пусть знаютъ всѣ, что онъ далеко не прибѣгалъ къ тѣмъ крайнимъ мѣрамъ, которыя Вы постоянно и настойчиво предписывали ему въ Вашихъ указахъ. Къ умершему слѣдуетъ относиться справедливо и Вы не должны Вашихъ ошибокъ приписывать ему одному. Скорѣе Вамъ пужно бы жалѣть моего отца, который палъ жертвой Вашей суровости.

АГНЕССА.

Рыцарь! Какъ осмѣливаетесь Вы такъ говорить и такъ дерзко и непочтительно держать себя въ присутствіи императора!

ИМПЕРАТОРЪ.

Еслибы въ Васъ не говорила теперь горестъ сына и еслибы въ вашихъ необузданныхъ словахъ мнѣ не слышалось безразсудство юности, то Вамъ угрожалъ бы сейчасъ суровый приговоръ. Теперь же ступайте и подумайте о томъ, что вы сказали.

(Арнольдъ уходитъ).

АГНЕССА.

Арвольдъ Гесслеръ — дерзкій рыцарь и я бы ему жестоко за это отомстила.

АЛЬБРЕХТЪ.

Не всякій разъ ему можетъ сойти какъ сейчасъ!

(обращаясь къ Эшенбаху).

Гдѣ Иоганнъ? Все ли еще онъ упорствуетъ въ своемъ старомъ желаніи и все ли еще онъ продолжаетъ требовать отъ меня Швабію, какъ свою наслѣдственную часть? Если онъ сохраняетъ еще это желаніе, то оно такъ и останется пустой мечтой.

ЭШЕНБАХЪ.

На сколько я могъ его наблюдать, — онъ находится постоянно погруженнымъ въ себя и, повидимому, ему крѣпко засѣла въ голову мысль добиться исполненія своихъ желаній. Въ его глазахъ не замѣчается уже откровенности и его щеки не такъ свѣжи, какъ прежде; беззаботное юношеское настроеніе у него совершенно исчезло. Совѣтую Вамъ, исполнить его желаніе. Иначе, можетъ быть, злой духъ подтолкнетъ его на какуюнибудь безумную и отчаянную попытку.

АЛЬБРЕХТЪ.

Совѣтъ Вашъ — напрасенъ. Что пользы Швабамъ въ дерзкомъ, сумасбродномъ мальчишкѣ.

ЭШЕНБАХЪ.

Нѣтъ! Повѣрьте мнѣ, государь! дѣло не можетъ остановиться на этомъ, потому что юность постоянно стремится къ власти. Подумайте о томъ, сколько Вы сами употребили усилій, добываясь императорской короны!

АЛЬБРЕХТЪ.

Онъ еще слишкомъ молодъ, чтобы сдѣлаться господиномъ всей Швабii. Нѣтъ! не говорите мнѣ ничего, — все будетъ напрасно.

ЭПЕНВАХЪ.

Мнѣ жаль юноши, — я его очень люблю. Поэтому умоляю Васъ, мой всемилостивѣйшій монархъ, не отравляйте самыхъ лучшихъ его лѣтъ, лѣтъ юности и не разрушайте его самыхъ пылкихъ и горячихъ мечтаній; позднѣе, пожалуй, онъ можетъ прибѣгнуть къ самымъ опаснымъ кознямъ.

АЛЬБРЕХТЪ.

При моемъ дворѣ онъ не терпитъ ни въ чемъ недостатка. Я радъ съ нимъ раздѣлить все, что имѣю. Но то, чего онъ желаетъ, не совершится никогда.

ВТОРОЕ ЯВЛЕНІЕ.

Тѣже и Рудольфъ фонъ деръ Бальмъ входятъ съ монахомъ.

ИМПЕРАТОРЪ (сердито).

Что вамъ здѣсь нужно и кто васъ сюда звалъ?

РУДОЛЬФЪ фонъ деръ БАЛЬМЪ.

Простите, государь! Этотъ иностранецъ просилъ меня немедленно представить его Вашему Величеству. Онъ говоритъ, что онъ прибылъ сейчасъ прямо изъ Швейцаріи и принесъ съ собой оттуда самыя послѣднія извѣстія.

МОНАХЪ.

Великій нѣмецкій монархъ! Вмѣстѣ съ Вольфеншиссомъ и Гесселе-ромъ я служилъ Вашему Величеству въ Швейцаріи. Долго я боролся съ неслѣтными толпами возставшихъ, но наконецъ вынужденъ былъ бѣжать, уклоняясь отъ смерти. Передъ Вами Вашъ вѣрнопопданный слуга Берингеръ фонъ Ланденбергъ.

(исъ вскакиваютъ).

АГНЕССА.

Какъ! Ланденбергъ!?

ИМПЕРАТОРЪ.

Вы Ланденбергъ?! — Какъ же вы смѣли безъ нашего приказанія явиться сюда изъ Сарнена и оставить свой постъ, на который мы васъ благосклонно назначили, воплнѣ полагаясь на васъ?

ЛАНДЕНБЕРГЪ.

Увы, Ваше Величество! Тамъ совершаются теперь такіа страшныя событія, что пи одного часу пельзя было оставаться тамъ болѣе въ безопасности. Не угодно ли Вамъ выслушать, что тамъ происходитъ.

ИМПЕРАТОРЪ.

Говори!

ЛАНДЕНБЕРГЪ.

Я оставался одинъ въ моемъ замкѣ, въ Сарненѣ, и прилагалъ всѣ свои старанія къ точному исполненію указа, въ которомъ мнѣ было предписано прибѣгнуть къ самымъ суровымъ мѣрамъ.

ИМПЕРАТОРЪ.

Какъ! Вы намѣрены теперь оправдаться? Въ присутствіи этихъ рыцарей Вы хотите сложить на меня всю вину во всѣхъ вашихъ кровавыхъ жестокостяхъ?! Да, я хорошо знаю, сколько преступленій вы совершили, какъ безчеловѣчно вы тамъ поступали и наконецъ вынудили возстать этихъ спокойныхъ людей. Но вы за это заплатитесь: узнаете всѣ, что значить поступать противъ моей воли.

(звонить въ колокольчикъ, подымается стража).

До тѣхъ поръ пока я не произведу строжайшаго слѣдствія надъ вашими поступками, вы осуждаетесь на тюремное заключеніе.

ЛАНДЕНБЕРГЪ.

Государь! Какая несправедливость! Поступая такъ со мной, Вы берете на себя тяжелый грѣхъ! Призываю Бога въ свидѣтели, это не будетъ имѣть хорошихъ послѣдствій. Тысячи людей погибли уже изъ-за Васъ и теперь кровь ихъ взываетъ къ небу объ отмщеніи. Хотите ли Вы теперь также и моей крови?! Пусть, пусть она прольется! Но, все таки, я заявляю теперь во всеуслышаніе, что причина швейцарскаго возмущенія — Вы!

ИМПЕРАТОРЪ.

Молчать! Стража скорѣе! Исполняйте свою обязанность! Взять его въ тюрьму, заключить его въ оковы!

(стража схватываетъ его).

ЛАНДЕНБЕРГЪ.

Кромѣ того у меня остаются еще всѣ тѣ письма, которыя вы мнѣ писали; постоянно въ нихъ Вы побуждали меня все къ большей и большей суровости: они послужатъ явнымъ доказательствомъ моей правоты. Не одобровать тому, кто поступаетъ такъ со своими слугами!

(Императоръ уходитъ, громко и презрительно смѣясь, за нимъ слѣдуетъ Агнесса. Бернгаръ унываетъ. Рыцари нѣсколько мгновеній въ нѣмомъ изумленіи смотрятъ другъ на друга. Наконецъ Эшенбахъ прерываетъ молчаніе).

ЭШЕНБАХЪ.

Что думаете вы, рыцари фонъ деръ Вартъ и фолъ деръ Бальмъ? Вы фонъ деръ Вартъ, Вы знаете лучше всѣхъ, какъ обстоитъ дѣло, — вѣдь Вы жили въ Швейцаріи? Не правъ ли совершенно Ланденбергъ?

РУДОЛЬФЪ фолъ деръ БАЛЬМЪ.

Даже еслибы онъ былъ неправъ, то все таки никакому рыцарю не слѣдуетъ позволять такъ съ собой обращаться.

РУДОЛЬФЪ фонъ деръ ВАРТЪ.

Да, конечно. Дѣло зашло слишкомъ далеко. Ланденбергъ говорилъ правду, совершенную правду. Когда я доставилъ письмо и онъ его прочиталъ, — онъ былъ очень обрадованъ похвалами, которыми осыпалъ его Альбрехтъ за его жестокость и суровый образъ дѣйствій.

РУДОЛЬФЪ фолъ деръ БАЛЬМЪ.

Рыцари! Неужели это можетъ продолжаться, неужели и впередъ онъ станетъ обращаться съ нами такимъ образомъ?

РУДОЛЬФЪ фонъ деръ ВАРТЪ.

Нѣтъ! конечно нѣтъ! Вставайте и пойдите, пойдите, найдемъ Иоганна и сообщимъ ему обо всемъ этомъ!

ЭШЕНБАХЪ.

Да! идемте! во всякомъ случаѣ это не кончится добромъ.

(уходитъ).

ТРЕТЬЕ ЯВЛЕНІЕ.

Агнесса и Альбрехтъ (возвращаются).

АЛЬБРЕХТЪ (тихо).

Послушай, Агнесса, мое дитя! Какъ ты думаешь, не можетъ ли Ланденбергъ, преданный мнѣ прежде — безусловно, быть мнѣ теперь опаснымъ? И полагаю, онъ долженъ умереть.

АГНЕССА.

Онъ давно уже заслужилъ смертный приговоръ. Но зачѣмъ болѣе объ этомъ думать! его легко спровадить на тотъ свѣтъ! Сейчасъ же я отдамъ объ этомъ приказаніе.

АЛЬБРЕХТЪ.

Только пусть это будетъ сдѣлано въ тишинѣ и не возбуждаетъ ничего вниманія.

(уходитъ).

ЧЕТВЕРТОЕ ЯВЛЕНИЕ.

(Прилегающій къ замку садъ. — Красивая мѣстность, окруженная лѣсомъ. Направо струится потокъ, нѣтъ стоить скамья, вдали виднѣется капелла. Солнце только что начинаетъ заходить).

ЮГАННЪ ШВАВОКЪ (медленно идетъ).

Сяду на эту скамью и пораздумаю о своей судьбѣ.

(садится).

(Часы бьютъ семь).

Какіе пріятные и ласкающіе ухо серебристые звуки! Какъ часто я прислушивался къ нимъ и ловилъ ихъ своимъ ухомъ. Можетъ быть, это будутъ послѣдніе удары колокола, которые я услышу! Увы, скоро можетъ быть во мгновение прекратится моя жизнь и съ небесныхъ высотъ я буду взирать на эту мѣстность.

(пороткая пауза).

О Текла! дорогая Текла! Только еще разъ дай мнѣ тебя увидѣть, только еще разъ дай мнѣ тебя обнять! — Какъ счастливъ былъ я съ тобой когда то въ Прагѣ! Но съ неба я попалъ теперь въ адъ.

(На нѣсколько мгновеній погружается въ глубокое молчаніе. Солнце своими послѣдними лучами озаряетъ вершины деревьевъ и крестъ капеллы. Въ полузабытій онъ снова продолжаетъ).

Дорогое солнце! ты озаряешь своими лучами добрыхъ и злыхъ; ежедневно каждое утро во все прошлое время моей жизни я привѣтствовалъ твое появленіе. Теперь же мени не радуетъ твое яркое, свѣтлое сіяніе. — Ночь, только черная ночь можетъ дать успокоеніе моей истерзанной душѣ; въ полночь, когда начинаеть гремѣть громъ, когда молнія разсѣкаетъ небесный мракъ и съ трескомъ валятся старые дубы, филины каркають на старыхъ бапняхъ, когда волки съ завываніемъ собирають волчатъ, когда во мракѣ раздается ревъ мѣдведей и духи бо-

изливо выходитьъ изъ могилъ, — тогда я начинаю чувствовать успокоеніе подъ этими вѣтвями.

(Произнесши послѣднія слова едва слышимымъ голосомъ, онъ снова погружается въ глубокое молчаніе. Потомъ онъ поднимается и приближается къ потоку).

Освѣжи меня еще разъ, серебристо-свѣтлый источникъ, своей пріятной влагой изъ горныхъ скалъ! Еще разъ, послѣдній разъ почерпну я изъ тебя, холодный родникъ, — такъ хорошо знакомый пилигримамъ! А затѣмъ я бодро возьмусь за посохъ и никому невѣдомый отправлюсь странствовать по чужимъ странамъ.

(Онъ пьетъ и стоитъ съ поникнутою головою).

Увы! Всякій разъ, когда въ тиши стараго замка Габсбурговъ я начинаю вспоминать о томъ добромъ старомъ времени, когда жили мои предки, когда здѣсь находился Рудольфъ, тогда еще бывшій графомъ, и ангелъ Господень освѣнял его тутъ своимъ чудодѣйственнымъ крыломъ, — тогда мнѣ хочется плакать при моемъ теперешнемъ положеніи. Но, — буду бодро переносить свои страданія, потому что то, что посылается намъ свыше, — посылается съ благой цѣлью и только тамъ, въ горныхъ селеніяхъ, получаетъ себѣ человѣкъ награду.

(Твердо и рѣшительно).

Впередъ, Іоаннъ! — Возьму себѣ посохъ, одѣнусь, какъ пилигримъ и отправлюсь ко Св. гробу, — чтобы найти себѣ спокойствіе, котораго я лишился уже давно, сдѣлавшись рабомъ. То, что досталось мнѣ по послѣдству, я имѣю право всегда себѣ требовать, но Альбрехтъ — мой врагъ и никогда не отдастъ мнѣ того, что мнѣ слѣдуетъ. Впередъ поэтому! У Св. гроба идетъ также своя жизнь.

(Онъ хочетъ уйти).
